

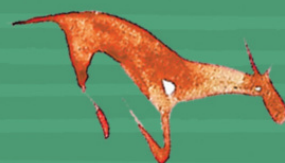
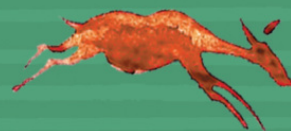
КЛАССНАЯ КЛАССИКА

Жозеф Рони-Старший

ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ

 Machaon

Дикие времена

Жозеф Рони-старший
Пещерный лев

«Азбука-Аттикус»

1920

УДК 821.133.1-31-93
ББК 84(4Фра)

Рони-старший Ж. А.

Пещерный лев / Ж. А. Рони-старший — «Азбука-Аттикус»,
1920 — (Дикие времена)

ISBN 978-5-389-14286-2

Уже ставший классическим роман известного французского писателя Жозефа Рони-Старшего из его «доисторического цикла». Повествование переносит читателя в эпоху каменного века, когда первобытные люди были вынуждены бороться за выживание. «Пещерный лев» – это своеобразное продолжение романа «Борьба за Огонь», в котором читатель впервые знакомится с племенем уламов. Только теперь главный герой по имени Ун вместе с другом Зуром отправляется на поиски плодородных земель, где его племя может свободно охотиться на многочисленных животных и есть вдоволь. Автор ярко и увлекательно рассказывает об их опасных приключениях, об отваге и храбрости, с которой смельчаки идут к своей цели.

УДК 821.133.1-31-93

ББК 84(4Фра)

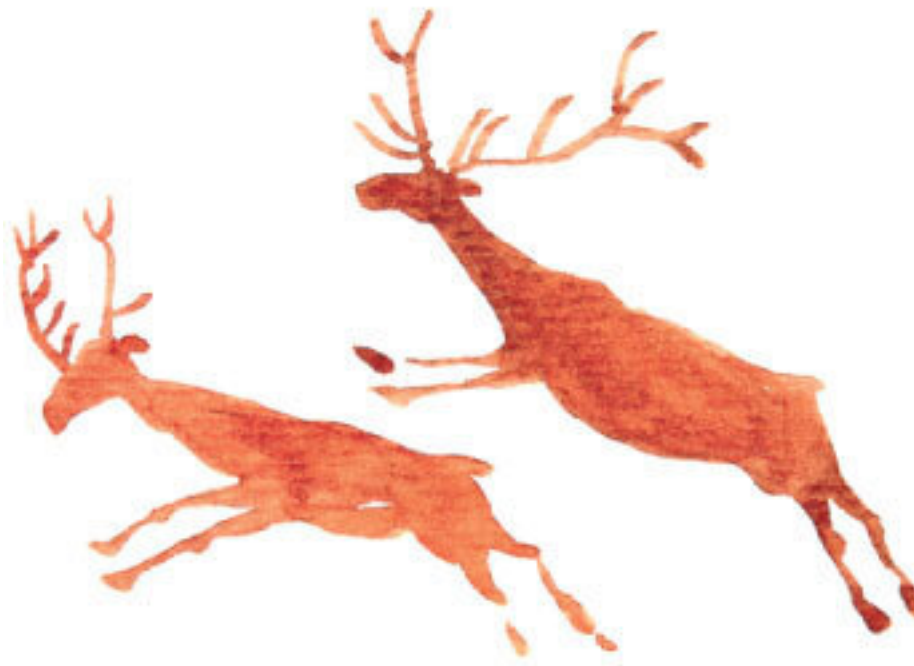
ISBN 978-5-389-14286-2

© Рони-старший Ж. А., 1920

© Азбука-Аттикус, 1920

Содержание

Сквозь тьму веков	6
Часть первая	8
Глава I. Ун и Зур	8
Глава II. Махайрод[1]	13
Глава III. Огонь в ночи	17
Глава IV. Люди и красный зверь	24
Глава V. Гигантский питон	32
Часть вторая	36
Глава I. Пещерный лев	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Жозеф Рони-Старший Пещерный лев

Joseph Rosny aine
LE FELIN GEANT
1920

© Орловская И.С., наследники, перевод на русский язык, 2023

© Цурина О.В., иллюстрации, 2023

© Оформление, вступительная статья. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»,
2023 Machaon®

* * *

СКВОЗЬ ТЬМУ ВЕКОВ

Жозеф Анри Оноре Бёкс (1856–1940) известен в мире как Рони-Старший. За долгую жизнь в литературе он работал в разных жанрах. Кроме наиболее популярных у читателей фантастических произведений о доисторическом прошлом и отдалённом будущем он писал романы и эссе, приключенческие повести о «затерянных мирах», литературные портреты и воспоминания. Но именно его «доисторический цикл» всегда вызывал наибольший интерес,

особенно после того как фильм «Борьба за огонь», снятый по знаменитому одноимённому роману, получил премию «Оскар».

Свои первые книги он подписывал Ж.-А. Рони, затем под этим псевдонимом «скрывался» вместе с младшим братом, Серафином Жюстеном Франсуа, с которым они написали несколько выдающихся произведений. После того как братья прервали отношения – как тогда говорили, из-за разницы характеров, – один стал Рони-Старшим, а другой – Рони-Младшим.

Своё истинное призвание Жозеф-Анри почувствовал не сразу. В Брюсселе, где он родился, где прошли его детские и юношеские годы, он получил прекрасное образование. Более всего его привлекали естественные науки, и в будущем он собирался заниматься научными исследованиями. Его знания и смелость мышления, подробность и дотошность – качества настоящих учёных, думается, немало помогли, когда он создавал фантастические картины вторжения необычных «пришельцев», описывал различные формы жизни, строил неожиданные и трагические гипотезы о будущем человечества. Да и в «доисторическом цикле» он наверняка опирался на открытия археологов, которые с середины XIX века давали всё новую пищу исследователям далёкого прошлого. Однако до глубоких занятий наукой дело не дошло: рано женившись, Жозеф-Анри переехал в Лондон. Он должен был зарабатывать, чтобы обеспечить семью, и в то же время писал по-английски свой первый роман.

Через несколько лет он поселился в Париже, где к нему пришёл настоящий успех. Как из рога изобилия полились фантастические и «доисторические» романы и повести: «Борьба за огонь», «Пещерный лев», «Гибель Земли», «Звездоплаватели» (именно в этом произведении впервые появился изобретённый им термин «астронавтика») и многие другие, замеченные критикой и полюбившиеся читателям. Со временем Рони-Старший стал одним из самых уважаемых писателей и литературных деятелей Франции: кавалер ордена Почётного легиона, с 1926 года и до конца своих дней – президент Гонкуровской академии, присуждавшей престижную литературную премию. С 1980 года вручается премия Рони-Старшего за лучшее произведение в жанре научной фантастики. В его честь назван астероид (223633) Ронизне.

«Пещерный лев» – своеобразное продолжение романа «Борьба за огонь». Один из его главных героев Ун – сын Нао, который добыл для своего племени огонь. Вместе с другом Зуром Ун отправляется на поиски плодородных, богатых съедобными растениями и дичью земель, где люди смогут жить в покое и довольстве. Охотиться становилось всё труднее: животные старались держаться подальше от человека. В те далёкие времена война была единственным способом выжить. Люди сражались с другими людьми, с фантастически сильными и красивыми животными, с удивительными растениями, с непобедимой и страшной природной стихией. Но герои романа, более тонко организованные, чем их сородичи, уже начали ощущать, что ими руководят не только дикие инстинкты. Они поняли, что надо не воевать с соседями по общему дому, а заключить с ними союз, чтобы выживать вместе. Это стало их главным открытием. Герои убедились, что дружба помогает выдержать любые испытания. И наконец они нашли новые благодатные земли, где один встретил свою любовь, а второй обрёл верного друга – пещерного льва.

Ольга Корф

Часть первая

Глава I. Ун и Зур

Ун, сын Быка, любил бывать в подземных пещерах. Он ловил там слепых рыб и бесцветных раков вместе с Зуром, сыном Земли, последним из племени ва, людей-без-плеч, уцелевшим при истреблении его народа рыжими карликами.

Целыми днями бродили Ун и Зур вдоль течения подземной реки. Часто берег её был всего лишь узким каменным карнизом. Иногда приходилось пробираться ползком по тесному коридору из порфира, гнейса, базальта. Зур зажигал смоляной факел из ветвей скипидарного дерева, и багровое пламя отражалось в сверкающих кварцевых сводах и в стремительно текущих водах подземного потока. Склонившись над чёрной водой, они наблюдали за плавающими в ней бледными, бесцветными животными, затем шли дальше, до того места, где дорогу преграждала глухая гранитная стена, из-под которой с шумом вырывалась подземная река. Подолгу простаивали Ун и Зур перед чёрной стеной. Как хотелось им преодолеть эту таинственную преграду, на которую натолкнулось племя уламров шесть лет назад, во время своего переселения с севера на юг.

Ун, сын Быка, принадлежал, согласно обычаю племени, брату матери. Но он отдавал предпочтение своему отцу Нао, сыну Леопарда, от которого унаследовал мощное сложение, неутомимые лёгкие и необычайную остроту чувств. Его волосы падали на плечи густыми жёсткими прядями, словно грива дикого коня; глаза были цвета серой глины. Огромная физическая сила делала его опасным противником. Но ещё больше, чем Нао, Ун склонен был к великодушию, если побеждённый лежал перед ним, распростёршись на земле. Поэтому уламы, отдавая должное силе и мужеству Уна, относились к нему с некоторым пренебрежением.

Он охотился всегда в одиночку или вместе с Зуром, которого уламы презирали за слабость, хотя никто не умел так искусно находить камни, пригодные для добывания огня, и изготавливать трут из мягкой сердцевины дерева.

У Зура было узкое, гибкое, как у ящерицы, тело. Плечи его были так покаты, что руки, казалось, выходили прямо из туловища. Такими выглядели с незапамятных времён все ва – племя людей-без-плеч. Зур думал медленно, но ум его был более изощрённым, чем у людей племени уламров.

Зур любил бывать в подземных пещерах ещё больше, чем Ун. Его предки и предки его предков всегда жили в краях, изобиловавших ручьями и реками, часть которых исчезала под холмами или терялась в глубине горных массивов.

Однажды утром друзья бродили по берегу реки. Они видели, как поднялся над горизонтом багровый шар солнца и золотой свет залил окрестность. Зур понимал, что ему нравится следить за стремительно бегущими волнами; Ун же отдавался этому удовольствию безотчётно. Они направились к подземным пещерам. Прямо перед ними возвышались горы – высокие и неприступные. Крутые, острые вершины нескончаемой стеной тянулись с севера на юг, и нигде между ними не видно было прохода. Ун и Зур, как и всё племя уламров, страстно мечтали преодолеть эту несокрушимую преграду.

Более пятнадцати лет уламы, покинув родные места, кочевали с северо-запада на юго-восток. Продвигаясь к югу, они скоро заметили, что чем дальше, тем земля становится богаче, а добыча – обильнее. И постепенно люди привыкли к этому бесконечному путешествию.

Но вот на их пути встала огромная горная цепь, и продвижение племени на юг остановилось. Уламы тщетно искали проход среди неприступных каменных вершин.

Ун и Зур присели отдохнуть в камышах, под чёрными тополями. Три мамонта, огромные и величественные, шествовали вдоль противоположного берега реки. Видно было, как пробегают вдали антилопы; носорог показался из-за скалистого выступа. Волнение овладело сыном Нао. Как хотелось ему преодолеть пространство, отделяющее его от добычи! Вздохнув, он поднялся и зашагал вверх по течению, сопровождаемый Зуром. Скоро они очутились перед тёмным углублением в скале, откуда с шумом вырывалась река. Летучие мыши метнулись в темноту, испуганные появлением людей.

Взволнованный внезапно пришедшей ему в голову мыслью, Ун сказал Зуру:

– За горами есть другие земли!

Зур ответил:

– Река течёт из солнечных стран.

Люди-без-плеч давно знали, что все реки и ручьи имеют начало и конец.

Синий сумрак пещеры сменился мраком подземного лабиринта. Зур зажёл одну из захваченных с собой смолистых веток. Но друзья могли бы обойтись и без света – так хорошо знали они каждый поворот подземного пути.

Целый день шли Ун и Зур по мрачным переходам вдоль течения подземной реки, перепрыгивая через ямы и расселины, а вечером крепко уснули на берегу, поужинав испечёнными в золе раками.

Ночью их разбудил внезапный толчок, исходивший, казалось, из самых недр горы. Слышен был грохот падающих камней, треск крошащихся скал. Затем наступила тишина. И, не разобрав спросонья, в чём дело, друзья снова уснули. Но, когда утром они двинулись дальше, путь оказался усеянным обломками скал, которых раньше здесь не было.

Смутные воспоминания овладели Зуром.

– Земля колебалась, – сказал он.

Ун не понял слов Зура и не старался вникнуть в их смысл. Мысли его были короткими и стремительными. Он мог думать только о тех препятствиях, которые возникали непосредственно перед ним, или о добыче, которую он преследовал. Нетерпение его росло, и он всё ускорял шаги, так что Зур еле поспевал следом. Задолго до конца второго дня они добрались до того места, где глухая каменная стена обычно преграждала им путь.

Зур зажёл новый смолистый факел. Яркое пламя озарило высокую стену, отражаясь в бесчисленных изломах кварцевой породы.

Изумлённое восклицание вырвалось у обоих юношей: в каменной стене зияла широкая трещина!

– Это оттого, что земля колебалась, – сказал Зур.

Одним прыжком Ун очутился у края трещины. Проход был достаточно широк, чтобы пропустить человека. Ун знал, какие предательские ловушки таятся в только что расколовшихся скалах. Но нетерпение его было так велико, что он не задумываясь протиснулся в черневшую перед ним каменную щель, настолько узкую, что двигаться вперёд можно было с большим трудом. Зур последовал за сыном Быка. Любовь к другу заставила его забыть природную осторожность.

Скоро проход сделался таким узким и низким, что они едва протискивались между камнями, согнувшись, почти ползком. Воздух был жарким и спёртым, дышать становилось всё трудней... Вдруг острый выступ скалы преградил им путь.

Рассердившись, Ун выхватил из-за пояса каменный топор и ударил им по скалистому выступу с такой силой, словно перед ним был враг. Скала пошатнулась, и юноши поняли, что её можно сдвинуть с места. Зур, воткнув свой факел в расселину стены, стал помогать Уну. Скала зашаталась сильнее. Они толкнули её изо всех сил. Раздался треск, посыпались камни... Скала покачнулась и... они услышали глухой звук падения тяжёлой глыбы. Путь был свободен.

Передохнув немного, друзья двинулись дальше. Проход постепенно расширялся. Скоро Ун и Зур смогли выпрямиться во весь рост, дышать стало легче. Наконец они очутились в обширной пещере. Ун со всех ног бросился вперёд, но вскоре темнота вынудила его остановиться: Зур со своим факелом не поспевал за быстроногим другом. Но задержка была недолгой. Нетерпение сына Быка передалось человеку-без-плеч, и они большими шагами почти бегом двинулись дальше.

Скоро впереди забрезжил слабый свет. Он усиливался по мере того, как юноши приближались к нему. Внезапно Ун и Зур очутились у выхода из пещеры. Перед ними тянулся узкий коридор, образованный двумя отвесными гранитными стенами. Вверху, высоко над головами, виднелась полоска ослепительно-синего неба.

– Ун и Зур прошли сквозь гору! – радостно воскликнул сын Быка.

Он выпрямился во весь свой могучий рост, и гордость от сознания совершённого подвига овладела всем его существом. Зур, более сдержанный от природы, был тоже сильно взволнован.

Узкое ущелье, затерянное в глубине горного массива, мало чем отличалось от подземного лабиринта, из которого они только что выбрались. Уну не терпелось увидеть поскорей открытое пространство. После краткого отдыха друзья снова двинулись в путь.

Ущелье показалось им бесконечным. Когда юноши наконец добрались до выхода из него, день уже клонился к вечеру.

Перед ними простирался обширный горный луг, край которого, казалось, упирался прямо в синий небосвод. Справа и слева грозно высились горы – мрачный каменный мир, застывший и безмолвный с виду, незыблемый, словно вечность...

Солнце садилось среди каменных башен, зубчатых пиков и куполов. Муфлоны то появлялись, то исчезали вдали, у края пропасти. Старый медведь, сидя на гнейсовой скале, подстерегал в тишине добычу. Огромный гриф медленно парил в вышине, под облаками, озарёнными вечерним солнцем.

Ун и Зур слышали биение своих взволнованных сердец. Неведомая земля лежала перед ними. Она неудержимо влекла к себе деятельного, жаждущего приключений улабра и задумчивого, полного смутных грёз последнего человека-без-плеч.

Глава II. Махайрод¹

Четырнадцать дней шли по неведомой земле Ун и Зур. Они решили не возвращаться в становище до тех пор, пока не разведают степи и леса, где уламы могли бы найти в изобилии дичь и съедобные растения.

Человек не может постоянно жить в горах. Горы изгоняют его с наступлением зимы; весною земля оживает там гораздо медленней, чем внизу на равнине, уже давно покрытой пышным ковром трав и цветов.

В первые дни пути Уну и Зуру иной раз до самого вечера не удавалось убить какую-нибудь дичь или найти съедобные растения. Но они упорно продолжали двигаться вперёд, постепенно спускаясь всё ниже и ниже. На девятый день пути еловые леса сменились буковыми рощами; затем появились дубы и каштаны. Их становилось всё больше. Ун и Зур поняли, что приближаются к равнине. Звери стали попадаться чаще; каждый вечер свежее мясо и съедобные корни растений жарились на огне костра, и свет звёзд, озарявший путников, уже не казался им таким холодным, как высоко в горах.

На четырнадцатый день они достигли подножия горной цепи. Перед ними расстилалась бескрайняя равнина, по которой струились воды огромной реки. Стоя на склоне скалистого отрога, путники жадно смотрели на эту новую, неведомую им землю.

Внизу росли незнакомые деревья: исполинские баньяны, ветви которых образовывали целые рощицы; стройные пальмы с листьями, напоминающими огромные перья; зелёные дубы, взбиравшиеся на склоны холмов; заросли бамбука, подобного гигантской траве. Рассыпанные среди высоких трав и густых кустарников цветы радовали глаз своими яркими красками.

Но Уна и Зура больше интересовали животные. Они то появлялись, то исчезали вдаль, среди буйных трав и пышного кустарника, в зарослях древовидных папоротников и высокого бамбука.

¹ Махайрод, или саблезубый тигр, – большой зверь кошачьей породы, опасный хищник с мощными челюстями и огромными клыками, живший на Земле в начале четвертичного периода.

Видно было, как проносятся среди холмов стада легконогих антилоп, как бродят по лугам дикие лошади и онагры². Олени и огромные дикие быки – гауры³ – появлялись из-за поворотов реки; стая диких собак – дholeй – преследовала сайгу. Змеи неслышно скользили среди густых трав; на вершине холма чётко выделялись горбатые силуэты трёх верблюдов. Павлины, фазаны и попугаи гнездились на опушках пальмовых рощ; обезьяны выглядывали из густых ветвей; гиппопотамы ныряли в реку; крокодилы неподвижно лежали в заводях, словно упавшие в воду стволы деревьев.

Нет, никогда в этом краю уламы не будут испытывать недостаток в свежем мясе для вечерней трапезы у костра!

Ун и Зур стали спускаться по склону скалистого отрога. Воздух делался всё теплее и теплее. Скоро стало совсем жарко, горячие камни обжигали ступни босых ног.

Путники думали, что от равнины их отделяет лишь короткий переход. Но расстояние оказалось обманчивым. Внезапно они очутились на краю крутого обрыва.

Крик нетерпения вырвался из груди уламы, но человек-без-плеч сказал:

– Неведомая земля, вероятно, полна опасностей. А у нас мало дротиков. Здесь, на вершине скалы, ни один зверь, пожирающий людей, нас не достанет.

Как бы подтверждая его слова, жёлтый силуэт льва мелькнул внизу, в расселине скалы. Ун ответил:

– Зур сказал то, что надо было сказать. Прежде чем спуститься на равнину, мы должны запастись дротиками, палицами и копьями, чтобы убивать дичь и побеждать хищников.

Скалы отбрасывали на землю длинные тени; солнечный свет стал жёлтым, словно мёд. Ун и Зур направились к молодому дубу и стали рубить его крепкие ветви, чтобы изготовить необходимое оружие. Они умели делать копья и палицы, обрабатывать рога и кости животных, обтёсывать острые кремни и обжигать на огне костра концы дротиков, чтобы те стали твёрдыми, словно камень. Но с тех пор, как они выбрались из подземного лабиринта, прошло много времени. Топоры их затупились, запас оружия истощился.

Ун и Зур рубили ветви до тех пор, пока солнце не погасло на горизонте подобно гигантскому багровому костру. Затем они собрали рога, кости и кремни, которые принесли с гор.

– Скоро наступит ночь, – сказал Ун. – Мы возобновим работу, когда солнце вернётся.

Набрав хворосту, они сложили его в кучу. Зур уже приготовился зажечь костёр, а спутник его тем временем насаживал на острый сук заднюю ногу дикой козы.

Внезапный рёв заставил их вскочить на ноги. Этот рёв одновременно напоминал и грозное рычание льва, и отвратительный хохот гиены. Подойдя к обрыву, они увидели внизу, у подножия скалистого выступа, на расстоянии пятисот шагов незнакомого зверя. Он был ростом с леопарда, красноватой масти, с круглыми чёрными пятнами на спине и боках. Огромные глаза горели ярче, чем у тигра. Четыре клыка, очень длинные и очень острые, торчали из его пасти, словно сабли. Весь облик зверя свидетельствовал о проворстве и силе.

Ун и Зур понимали, что перед ними зверь из породы плотоядных, но он не напоминал им ни одного из тех хищников, которые встречались по ту сторону гор. Однако вид его не вызывал у юношей больших опасений. Ведь с помощью копья, палицы и дротиков Ун всегда выходил победителем из схватки со зверями одного с ним роста. Он был так же силен и стремителен в борьбе, как Нао, победитель Косматых братьев, серого медведя и тигрицы.

² Онагр – дикий осёл, близкий родич кулана. В настоящее время встречается в Иране, Месопотамии, Сирии и Северной Аравии.

³ Гаур – дикий бык очень крепкого телосложения. В настоящее время встречается в горной Индии, Бирме и Малакке.

Он крикнул:

– Ун не боится красного зверя!

Новый рёв, ещё более отрывистый и пронзительный, удивил молодых воинов.

– Голос его больше, чем он сам! – заметил Зур. – А зубы острее и больше, чем у всех других пожирателей мяса.

– Ун убьёт его ударом палицы!

Внезапно зверь сделал прыжок длиной в двадцать шагов. Нагнувшись над обрывом, Ун увидел другого зверя огромного роста, трусившего рысцой у подножия скалы. У него была гладкая, серая, лишённая волос кожа, толстые, как ствол молодого тополя, ноги и огромная тупая морда. Это был гиппопотам-самец, спешивший как можно скорее добраться до реки. Но махайрод – саблезубый тигр – на каждом повороте преграждал ему путь. Гиппопотам останавливался и угрожающе ворчал, разевая свою широкую пасть.

– Красный зверь слишком мал, чтобы убить гиппопотама, – сказал Ун. – Гиппопотам не боится даже льва.

Зур с любопытством следил за происходящим, не говоря ни слова.

Внезапно махайрод сделал гигантский прыжок. Его гибкое краснокожее тело упало на спину гиппопотама, длинные когти вонзились в могучий затылок. Толстокожий гигант, громко крича от боли, устремился к реке. Но острые, словно сабли, зубы хищника уже разорвали его твёрдую, как дерево, кожу и впились в мясо. Рана на огромной шее росла.

В первые минуты гиппопотам ускорил свой бег. Он не ревел больше; вся энергия его была направлена к одной цели: достичь как можно скорее реки. Там, погрузившись в родные глубокие воды, он залечит свою рану и снова вернётся к жизни. Массивные ноги зверя топтали траву, и, хотя тяжёлое туловище качалось из стороны в сторону, он мчался вперёд с быстротой дикого кабана...

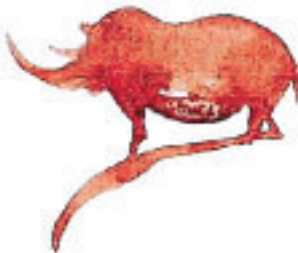
Река была уже близко. Её влажные испарения, казалось, придали новые силы толстокожему великану. Но безжалостные клыки всё глубже впивались в его шею, края раны расширялись, кровь текла обильнее... Вот гиппопотам пошатнулся; его короткие толстые ноги задрожали. Предсмертный хрип вырвался из чудовищной пасти...

Гиппопотам уже достиг прибрежных зарослей тростника, как вдруг внезапное головокружение заставило его остановиться. Медленно, очень медленно гигантская туша повернулась вокруг себя; затем побеждённый с глухим коротким рёвом рухнул на землю. И тогда махайрод,

приподнявшись на своих упругих лапах, издал победный, торжествующий крик, от которого обратились в бегство проходившие вдали буйволы, и принялся пожирать добычу.

Ун и Зур молчали, подавленные. Они чувствовали приближение ночи хищников и смутно догадывались, что земля, на которую они вступили, более древняя, чем та, где кочевали до сих пор уламы. И в этой стране сохранились ещё животные, жившие в ту отдалённую эпоху, когда на Земле появились первые люди.

Мрачные тени прошлого, казалось, приближались к юношам вместе с последними отблесками гаснущей зари, а древняя река катила свои багровые волны вдаль, через необозримую равнину.

Глава III. Огонь в ночи

Восемь дней понадобилось Уну и Зуру, чтобы пополнить запас оружия. Осколки кремней и острые зубы убитых животных служили наконечниками для дротиков. Каждый изготовил себе копье, заканчивающееся острым рогом, и метательный снаряд, с помощью которого можно было послать на большое расстояние дротики и копья. И наконец, из дубового ствола они вырезали себе две массивные палицы. Та, которую взял Ун, была настолько тяжёлой, что могла служить защитой от самых крупных хищников.

Кончив работу, Ун и Зур спустились со скалистого обрыва на равнину и, очутившись в саванне, почувствовали себя окончательно отрезанными от родного становища, затерявшегося где-то позади, далеко в горах.

Местность вокруг изобиловала дичью. Достаточно было ненадолго спрятаться в густой траве, чтобы подстеречь дикую козу, аксиса⁴ или сайгу. Но Ун никогда не убивал травоядных без нужды. Животное растёт медленно, а человек должен есть каждый день. Когда у племени было много пищи, Нао, вождь уламров, запрещал охоту.

Ун и Зур встречали на каждом шагу столько нового, что не переставали удивляться. Они с интересом рассматривали огромного гавиала⁵ с невероятно вытянутой мордой; видели, как он покачивается, неподвижный, на поверхности реки или подстерегает добычу где-нибудь на островке либо в прибрежных камышах.

Дриопитеки⁶ с их чёрными руками и человекообразными телами выглядели из густых ветвей. Дикие быки – гауры – бродили стадами, мощные, словно бизоны, потрясая массивными рогами, способными разорвать грудь тигру и пригвоздить к земле льва. Чёрные гаялы⁷ подставляли солнцу свои мощные тела с выпуклыми загривками. Гепарды то появлялись, то исчезали

⁴ Аксис – красивый белопятнистый олень с длинными трёхконечными рогами. Живёт стадами в лесах вблизи воды. Распространён в Индии.

⁵ Гавиал – крокодил с узким, очень длинным рылом, вздутым на конце. В настоящее время в Индии в крупных реках встречается гагский гавиал длиной до шести метров. Помимо гавиалов в Индии живут и настоящие крокодилы.

⁶ Дриопитеки – ископаемые человекообразные обезьяны, жившие в Европе, Южной Азии и Северной Африке.

⁷ Гаял, или гайал, – дикий бык крепкого телосложения, с массивными рогами. В настоящее время распространён в гористых местностях Индии.

на опушках лесных чащ. Стая волков, преследуя антилопу-нильгау⁸, пробежала вдали, быстрая и зловещая. Дикие собаки – дхоли, – уткнувшись носами в землю, выслеживали добычу или, подняв вверх острые морды, прерывисто выли. Порой перепуганный тапир выскакивал из своего логова и скрывался в тесном лабиринте баньяновых ветвей.

Ун и Зур с расширенными ноздрями, напрягая зрение и слух, осторожно продвигались вперёд, стараясь не наступить на кобр, скрывающихся в густой траве, и не разбудить крупных хищников, спящих в своих логовищах или в бамбуковой чаще. Но кругом всё было тихо; лишь леопард показался около полудня в углублении скалы. Зелёные глаза его пристально смотрели на приближавшихся людей.

Ун, выпрямившись во весь свой исполинский рост, поднял тяжёлую палицу. Но Зур, вспомнив махайрода, удержал руку друга:

– Сын Быка не должен ещё сражаться!

Ун понял мысль Зура. Если махайрод оказался опаснее льва, то леопард в этой неведомой стране мог быть сильнее тигра. Нао, Фаум и старый Гоун – самый старший среди уламров – всегда внушали молодым охотникам, что осторожность так же необходима воину, как и храбрость. Надо сначала узнать врага. Однако сын Быка не сразу опустил свою палицу. Он крикнул:

– Ун не боится леопарда!

Но хищник не двинулся с места, и люди беспрепятственно продолжали путь.

Они искали удобное место для ночлега. В этой знойной стране, где ночи, по всей вероятности, кишат хищниками, даже огонь костра не смог бы уберечь путников от грозящей со всех сторон опасности. Уламы хорошо знали, как важно для человека удобное и безопасное жильё. Они умели устраивать у входа в пещеру завалы из каменных глыб, стволов и веток деревьев, могли соорудить убежище на открытом месте или под защитой нависающих скал.

За весь день пути Уну и Зуру не удалось обнаружить на берегу подходящего для ночлега места, и к вечеру они отделились от реки. Уже показывались первые звёзды, когда путники решили наконец остановиться у подножия крутого холма, поросшего редким кустарником и чахлой травой. Выбрав отвесный склон, сложенный из сланцевых плит, Ун и Зур расположились около него, разложив перед собой костёр полукругом. Каждый должен был бодрствовать по очереди. Ун, у которого слух был острее, а обоняние тоньше, решил встать на стражу первым, потому что первая часть ночи всегда таит в себе наибольшую опасность.

Ленивый ветерок доносил до ноздрей уламира терпкие запахи зверей и нежный аромат ночных растений. Все чувства юноши были напряжены; сознание неумоимо отмечало ночные шорохи, движения и запахи.

Первыми появились шакалы. Они подкрадывались неуверенными шагами; движения их гибких тел были полны изящества. Огонь костра и притягивал, и пугал их. Они замирали на месте, затем, легко царапая землю острыми коготками, приближались к невиданному чуду. Длинные тени вытягивались за ними; в блестящих глазах отражалось багровое пламя, острые уши чутко прислушивались к ночным звукам. Малейшее движение Уна заставляло их отступать в темноту, слабо повизгивая.

Ун не боялся шакалов. Но их резкий запах мешал ему, заглушая запахи других хищников.

Чтобы не тратить зря дровишки, Ун набрал пригоршню камней и стал кидать их через костёр. Первый же брошенный им камень заставил шакалов разбежаться.

Затем показались дхоли. Голод придавал им смелость и делал этих небольших зверей опасными. Они бродили стайками, иногда внезапно останавливались или кидались в сторону с глухим ворчанием, которое передавалось от одного к другому, как будто звери переговаривались между собой. Пламя костра остановило их. Любопытные, подобно шакалам, дхоли жадно прихлебывались к запаху жареного мяса и человеческих тел.

⁸ Нильгау – один из видов антилоп. Живёт небольшими стадами в негустых лесах и редких джунглях Индии.

Когда Ун кидал камни, передние ряды дхолей отступали и сбивались в кучу; угрожающий вой раздавался во мраке. Звери упорствовали: отступив на недостижимое для камней расстояние, они выслали вперёд разведчиков, которые упрямо искали подступов к добыче. Промежуток, остававшийся между краем костра и сланцевой стеной, был для них слишком узким. Однако дхоли всё время возвращались к нему с терпением, которое способно было довести до отчаяния. Иногда они делали вид, что бросаются в атаку, в то время как часть стаи, отправившаяся в обход холма, угрожающе выла за спиной людей, надеясь вызвать среди них панику.

Постепенно возвращались шакалы, более осторожные, держась на почтительном расстоянии от дхолей. Но и те и другие отступили перед двенадцатью волками, появившимися с восточной стороны, а затем разбежались, давая дорогу гиенам. Гиены трусили неторопливой рысцой; их покатые спины судорожно подёргивались. Изредка раздавался отвратительный крик, напоминающий пронзительный старушечий хохот.

Две карликовые летучие мыши бесшумно кружились над головой Уна. Большой крылан, по размаху крыльев не уступающий орлу, парил под звёздами. Привлечённые пламенем костра, мириады ночных бабочек летели прямо в огонь; ночные насекомые, шелестя крыльями, носились тучами в багровом дыму и, обезумев, сыпались дождём на горящие угли. Из густых ветвей баньяна выглядывали головы двух бородатых обезьян. Болотная сова стонала на соседнем холме. Птица-носорог высовывала свой огромный клюв из-за перистых листьев пальмы.

Тревожные мысли осаждали сына Быка. Со всех сторон он видел разверстые пасти, оскаленные клыки и горящие, словно угли, глаза хищников...

Смерть грозила молодым воинам отовсюду. Хищников здесь собралось достаточно, чтобы уничтожить по крайней мере пятьдесят человек. Сила дхолей заключалась в их численности; челюсти гиен по мощности не уступали тигриным. У волков были сильные лапы и мускулистые загривки. И даже шакалы с их острыми собачьими мордами могли бы растерзать Уна и Зура за то короткое время, пока на костре успеет сгореть тоненькая веточка. Но страх перед огнём останавливал изголодавшихся зверей. Они терпеливо ждали случая, который помог бы им. Время от времени между хищниками вспыхивала вражда. Если волки принимались рычать, шакалы тотчас же скрывались в темноте; но дхоли оставались на месте и лишь угрожающе разевали свои красные пасти. И все вместе они уступали дорогу гиенам.

Гиены обычно не нападали на людей. Они не любили рисковать и довольствовались неподвижной или обессиленной добычей. И всё же они не уходили далеко от костра, удерживаемые необычным скоплением других хищников и странным, таинственным светом, который, казалось, исходил прямо из земли.

Наконец в кругу зверей появился леопард, и Ун разбудил Зура. Хищник присел на задние лапы впереди дхолей. Его жёлтые глаза внимательно разглядывали языки пламени, а за ними – высокие, прямые фигуры людей.

Возмущённый наглостью зверя, Ун крикнул:

– Сын Быка убил трёх леопардов!

Хищник вытянул вперёд когтистые лапы, потянулся своим гибким телом и угрожающе зарычал. Он был высок ростом, значительно крупнее тех пятнистых леопардов, с которыми молодому уламу приходилось встречаться по ту сторону гор. Под шелковистой густой шерстью угадывались могучие мускулы. Зверь мог бы без труда перемахнуть через костёр и очутиться у сланцевой стены, рядом с людьми. Встревоженный и недоумевающий, он пытался понять, что за странные двуногие существа скрываются под защитой огня. Запах и внешний облик этих существ напоминали гиббонов, но гиббон меньше ростом и у него совсем иная манера держаться. В багровых отблесках пламени неведомые существа казались более высокими, чем дикий бык – гаур. Их движения, необычный вид и странные предметы, которые непонятным образом удлинляли их передние конечности, – всё это заставляло леопарда сохранять осторожность. К тому же он был один, а ему противостояли двое.

Ун крикнул ещё громче; его голос прозвучал, как голос могучего противника... Леопард отполз влево, остановился в нерешительности перед узким проходом, который отделял край костра от сланцевой стены, затем обошёл холм кругом. Камень, брошенный Уном, ударил его по голове. Яростно мяукнув, леопард припал к земле, как бы готовясь к прыжку, судорожно царапнул землю когтями – и повернул к реке. Часть шакалов последовала за ним.

Между тем и волки и дхоли уже проявляли признаки усталости. Гиены, постепенно расширяя круг своих поисков, лишь изредка появлялись в дрожащих отсветах пламени...

Внезапно все хищники насторожились. Ноздри тревожно втягивали воздух, морды повернулись к западу, острые уши встали торчком. Короткий рёв разорвал тишину и заставил вздрогнуть людей в их ненадёжном убежище. Чьё-то гибкое тело взвилось из темноты и упало на землю перед самым костром. Дхоли испуганно попятились; волки застыли в тревожном напряжении. Гиены поспешно вернулись в круг; две виверры⁹ жалобно кричали во мраке.

Ун и Зур узнали красноватую масть зверя и его страшные саблевидные клыки...

Хищник присел перед огнём. Ростом он ненамного превосходил леопарда и казался даже ниже самой большой гиены. Но какая-то таинственная сила, безмолвно признаваемая всеми остальными зверями, казалось, исходила из всех его движений...

⁹ Виверры – хищные зверьки средних размеров, в большинстве – ночные животные. В настоящее время распространены в Юго-Восточной Азии.

Ун и Зур держали оружие наготове. Сын Быка взял в правую руку копьё; палица лежала у его ног. Менее сильный Зур предпочёл вооружиться дротиком. Оба отчётливо понимали, что махайрод гораздо сильнее тигра и, быть может, так же опасен, как тот лев-великан, от которого едва спаслись когда-то Нао, Нам и Гав во время своих странствований в стране кзаммов. Они знали, что махайрод может одним прыжком покрыть расстояние в двадцать шагов, которое отделяло его сейчас от их убежища. Но огонь удерживал хищника. Гибкий хвост извивался по земле; яростный рёв потрясал воздух... Мускулы обоих людей напряглись и стали твёрдыми, словно гранит.

Ун взмахнул копьём и нацелился... Махайрод отпрянул в сторону – и копьё осталось в руке Уна. Зур пробормотал:

– Если копьё заденет зверя, он бросится на нас, забыв про огонь!

Ун был так же ловок и силен, как сам Нао. Но и он не смог бы, метнув копьё с расстояния в двадцать шагов, нанести столь крупному хищнику смертельную рану. Он послушался Зура и стал ждать.

Махайрод снова приблизился к пылающему костру. Он подошёл так близко, что от людей его отделяло не более пятнадцати шагов. Теперь Ун и Зур могли хорошо рассмотреть хищника. Шерсть на груди его была светлее, чем на спине и боках, страшные зубы сверкали, словно обнажённые клинки, глаза горели фосфорическим блеском.

Два острых выступа скалы мешали махайроду прыгнуть на людей. Но и люди не могли поэтому метнуть копьё или дротик с достаточной точностью.

Чтобы сделать прыжок, махайроду надо было продвинуться ещё по крайней мере на три шага. Он шагнул вперёд, в последний раз внимательно всматриваясь в своих неведомых противников. Грудь зверя вздымалась от всё возрастающей ярости; он как бы угадывал стойкость и мужество этих странных двуногих существ...

Внезапно ряды дholeй пришли в смятение. Волки бросились врассыпную, гиены отступили под защиту баньяновых зарослей. В бледном свете звёзд среди деревьев обозначились очертания огромного животного, которое приближалось, неуклюже покачиваясь. Скоро в красноватом свете костра появилась широкая, тупая морда, на конце которой возвышался рог, более длинный и крепкий, чем у буйвола. Шкура зверя напоминала кору старого дуба; толстые, как брёвна, ноги поддерживали тяжёлое туловище. Близорукий, надменный и безрассудный в своей слепой ярости зверь продвигался неторопливой рысцой. Всё живое уступало ему дорогу. Волк, в панике метнувшийся под ноги носорогу, был раздавлен, словно козявка. Ун знал, что та же участь постигла бы пещерного медведя и льва, очутившихся на пути чудовища. Казалось, даже огонь не в силах преградить дорогу зверю. И, однако, он остановил колосса. Могучее туловище закачалось перед пылающими головнями; маленькие глазки расширились; страшный рог был нацелен в пространство.

Махайрод очутился перед носорогом.

Вытянув туловище, словно гигантское пресмыкающееся, прижавшись грудью к земле, хищник зарычал протяжно и угрожающе. Смутное предчувствие опасности быстро сменилось у носорога приступом слепой ярости. Ни одно живое существо не осмеливалось преграждать ему дорогу, ни в степи, ни в джунглях, ни на песчаных равнинах. Тот, кто не успевал спастись бегством, был обречён на гибель.

Страшный рог нацелился на красного зверя. Чудовищные ноги снова пришли в движение. Это был смерч, сметающий всё на своём пути... Только гранитная стена или колоссальная сила мамонта могли остановить его. Ещё два шага – и махайрод был бы растоптан. Но хищник молниеносно отпрянул в сторону. Носорог пронёсся мимо. И в ту же минуту махайрод очутился у него на спине. Хрипло рыча, красный зверь вцепился всеми четырьмя лапами в твёрдую кожу и принялся за свою страшную работу...

Много тысячелетий назад далёкие предки махайрода уже хорошо знали, где находится у носорога та артерия, которую надо перегрызть. Она была здесь, под складками грубой кожи, более толстой, чем кора старых кедров, и более твёрдой, чем панцирь черепахи, непроницаемой для зубов тигра и самого сильного из тогдашних хищников – пещерного льва. Только эти длинные, острые, как сабли, клыки могли прорвать кожу чудовища, проникнуть глубоко в его тело...

Кровь брызнула фонтаном вышиной в локоть.

Огромное животное тщетно пыталось сбросить со своей шеи крепко вцепившегося хищника. Не достигнув цели, носорог внезапно упал на бок и покатился по земле.

Но махайрод был начеку. Яростно зарывав, он отскочил в сторону, как бы бросая вызов этой страшной силе, которая в двадцать раз превосходила его собственную. Безошибочное чутьё подсказывало хищнику, что жизнь покидает носорога вместе с потоком горячей крови, струившейся из зияющей на шее раны... Надо было только выждать.

Носорог с усилием поднялся на ноги и пошатнулся. И тогда дхоли, гиены, шакалы, волки и виверры с жадным урчанием придвинулись к месту битвы.

Побеждённый колосс уже был для всех этих мелких хищников лишь гигантской грудой свежего мяса, достаточной для того, чтобы каждый из них мог насытиться. Махайрода, как и всех других крупных плотоядных, всегда сопровождали целые орды мелких хищников, питавшихся остатками его добычи.

Ещё одно, последнее усилие... Чудовищный рог устремляется в сторону противника. Хриплый рёв оглашает окрестность. Мощное туловище содрогается в предсмертной агонии. Затем наступает конец: поток крови слабеет и останавливается. Жизнь покидает огромное тело – и носорог, словно каменная глыба, рушится на землю.

Махайрод, раздирая когтями тушу, пожирает тёплое мясо. Шакалы жадно лижут кровь, разбрызганную по земле, а дхоли, гиены, волки и виверры смиренно ждут, когда красный зверь насытится.

Глава IV. Люди и красный зверь

После гибели носорога Ун и Зур подбросили сучьев в костёр и Ун улёгся спать, охраняемый своим другом. Смерть уже не грозила им; страшное кольцо оскаленных морд и острых клыков сомкнулось теперь вокруг поверженного гиганта. Зур мог наблюдать, как звёзды, которые в начале ночи горели над верхушками эбеновых деревьев, теперь спускались к реке. Менее отважный, чем Ун, сын Земли чувствовал, как его со всех сторон обступают неведомые опасности этой древней страны, где хищник ростом чуть выше леопарда способен одержать победу над таким чудовищем, как носорог...

Победитель насыщался долго. Ущербная луна в последней своей четверти поднялась из-за противоположного берега реки, когда махайрод отошёл наконец от растерзанной туши. И в ту же минуту обезумевшие от долгого ожидания волки, гиены, шакалы и дхоли с дикими воплями, отталкивая друг друга, кинулись к брошенной хищником добыче. Казалось, они сейчас перегрызутся. Затем наступила тишина; звери словно заключили перемирие.

На мгновение махайрод повернул голову и взглянул на них полузакрытыми, сонными глазами, утомлённый и сытый, с отяжелевшими челюстями. Внезапно он очнулся, сделал несколько шагов по направлению к огню, к этим странным двуногим существам, которые безотчётно раздражали его; но затем раздумал и, исполненный сознания своей непобедимой силы, растянулся прямо посреди поляны и заснул.

Зур недоверчиво рассматривал спящего хищника. Он спрашивал себя, не следует ли им с Уном воспользоваться тем, что зверь спит, и бежать. Но, поразмыслив, решил, что махайрод будет, вероятно, спать долго, и не стал будить Уна.

Постепенно уменьшаясь в размере, луна поднялась высоко в небе; в сиянии её потускнели яркие звёзды. Туша носорога стала заметно меньше; зубы хищников работали всё с тем же усердием. При первых признаках утра человек-без-плеч дотронулся до груди улабра.

— У нас нет больше дров, — сказал он. — Огонь гаснет, а красный зверь спит. Уну и Зуру надо уходить.

Огромный улабр встал на ноги и осмотрелся. Он увидел махайрода, неподвижно лежащего в двухстах шагах от их убежища, и ярость закипела в нём. Он вспомнил, как рычал хищ-

ник, присев перед пылающим костром, как его страшные зубы вонзились в шею толстокожего гиганта.

– Не следует ли Уну убить зверя, пока он спит? – вполголоса спросил уламр.

– Он проснётся прежде, чем будет нанесён удар, – ответил Зур. – Лучше обойти холм и уйти.

Ун колебался. Бегство представлялось ему чем-то унижительным. Ни Фаум, ни Нао не потерпели бы, чтобы такой небольшой с виду хищник подстерегал их, как добычу, целую ночь.

– Нао убил тигрицу и серого медведя, – сказал он мрачно.

– И тигрица и серый медведь обратились бы в бегство перед носорогом.

Ответ Зура охладил воинственный пыл молодого уламра. Он приладил на плече копьё, метательный снаряд и дротики, взял в руки массивную палицу. Бросив последний взгляд на спящего хищника, молодые воины поднялись на вершину холма и спустились с противоположной стороны. Хмурые, плохо выспавшиеся, они шли молча, с тоской вспоминая о далёком родном становище, затерявшемся по ту сторону гор.

День занимался. Небо на востоке побледнело; голоса хищников замолкли на берегах реки; травы и кустарники казались совершенно неподвижными...

Внезапно рычание разорвало утреннюю тишину. Ун и Зур обернулись и увидели махайрода. Что-то – может быть, уход людей – разбудило его, и он бросился в погоню за этими странными существами.

– Уну следовало убить красного зверя, пока тот спал! – сказал с досадой уламр, снимая с плеча копьё.

Зур молча опустил голову, сознавая, что на этот раз его осторожность оказалась пагубной. Он умоляюще посмотрел на Уна. Но молодой уламр не был злопамятным. Его широкая грудь уже вздымалась от волнения при мысли о предстоящей схватке. Ведь Зур был как бы частью его самого. Они стояли плечом к плечу, и Ун испустил свой боевой клич:

– Сын Быка и сын Земли пронзят красного зверя копьём и разmozжат ему кости!

Махайрод не торопился нападать. Заметив, что двуногие существа остановились, он тоже замер на месте. Хищник видел, как люди сняли с плеч метательные снаряды и дротики, заметил, что их передние конечности странно удлинились.

Так же как и прошлой ночью, их членораздельная речь изумляла его. Он стал обходить противников, не приближаясь к ним.

– Красный зверь боится людей! – торжествующе крикнул Ун, потрясая одновременно копьём и палицей.

Злобное рычание ответило ему. Махайрод сделал два огромных прыжка. Но, прежде чем ему удалось прыгнуть третий раз, Ун и Зур метнули в него дротики. Один впился хищнику в бок, другой – в затылок. Разъярённый болью, махайрод кинулся на людей. Ун метнул копьё; оно вонзилось между рёбрами зверя. Но копьё, брошенное Зуром, лишь оцарапало твёрдый, словно кремль, череп. Хищник очутился рядом с ними.

Одним ударом могучей лапы он повалил Зура на землю и вонзил в грудь свои страшные клыки. Ун обрушил на хищника тяжёлую палицу, но удар пришёлся в пустоту: махайрод успел отскочить в сторону. Хищник снова прыгнул; Ун отпрянул влево и снова взмахнул палицей, однако тяжёлый дубовый комель лишь скользнул по плечу зверя. Махайрод упал на Уна, опрокинув его навзничь, и, не удержавшись, покатился вместе с ним по земле. Но, прежде чем хищник вновь бросился на него, уламр успел подняться на одно колено. Зур слабеющей рукой кинул в зверя топор, и в то же мгновение Ун, держа палицу обеими руками, со страшной силой обрушил её на голову махайрода... Раздался глухой треск; хищник, словно ослеплённый, закружился на месте. Второй удар перебил ему шейные позвонки. Тогда Ун принялся наносить удар за ударом по рёбрам зверя, по могучим лапам, по страшным челюстям...

Он остановился только тогда, когда бездыханное тело перестало вздрагивать...

Слабым и хриплым голосом Зур пролепетал:

– Ун убил красного зверя... Ун сильнее Фаума... Ун так же могуч, как Нао, который отнял огонь у племени кзаммов!

Слова друга опьяняли Уна. Ноздри молодого улабра раздувались от гордости.

– Сын Быка будет великим вождём среди людей, – прерывающимся голосом прошептал Зур.

Жалобный стон сорвался с его губ; лицо стало серым, словно глина, и человек-без-плеч потерял сознание. Видя, что кровь ручьём течёт из груди раненого, Ун взволновался так, словно это была его собственная кровь. В памяти вихрем пронеслись бессвязные картины прошлого, долгие годы, прожитые вместе с Зуром. Он снова увидел леса, песчаные равнины, непроходимые чащи, болота и реки, где они бродили вместе и каждый был для другого надёжной защитой...

Набрав свежей травы и сочных листьев, Ун растёр их на камне и приложил к ранам друга. Веки Зура дрогнули и приподнялись. Он удивился, что лежит на земле, и стал озираться по сторонам, думая увидеть поблизости огонь костра. Потом, вспомнив всё происшедшее, повторил слова, которые произнёс перед тем, как потерял сознание:

– Ун будет великим вождём среди людей! – Затем, чувствуя слабость и боль, жалобно добавил: – Красный зверь разорвал грудь Зуру...

Ун продолжал перевязывать раны товарища. Огромный диск солнца поднялся из-за Большой реки. Ночные хищники исчезли. Обезьяны сустились среди густых ветвей; белоголовые вброны кружили над остовом носорога; два грифа парили в вышине. Травоядные просыпались от ночного сна. Опасное время миновало: страшные хищники, пожиратели всего живого, крепко спали в своих логовищах.

Однако дневные часы также опасны для человека, если солнечный свет нестерпимо ярок и палящий зной сжигает землю. Нужно было перенести Зура в безопасное место, в тень.

Ун, как и все уламы, считал пещеру самым надёжным убежищем. Он принялся внимательно разглядывать простиравшуюся вокруг них местность, надеясь обнаружить где-нибудь скалистую гряду или утёс. Но кругом, насколько хватал глаз, лежала ровная степь, лишь изредка перемежавшаяся зарослями кустарников, небольшими пальмовыми рощами, купами баньянов, островками эбеновых деревьев или бамбуков.

Тогда, укрепив повязку из листьев и трав на груди Зура, Ун взвалил его на спину и пустился в путь. Идти было трудно: кроме раненого, приходилось нести на себе и всё оружие. Но Ун унаследовал богатырскую силу Фаума и Нао.

Он шёл долго, упрямо борясь с усталостью.

Время от времени молодой уламы останавливался, опуская Зура на землю в тени дерева, и, не теряя его из виду, взбирался на ближайший пригорок или большой валун, чтобы оглядеть местность.

Жара становилась нестерпимой, а вокруг по-прежнему не было видно ничего похожего на скалу или другую возвышенность.

– Зур хочет пить, – тихо сказал человек-без-плеч, дрожа от лихорадки.

Ун направился к реке. В этот знойный час она казалась пустынной. Лишь кое-где можно было заметить гавиала, вытянувшего своё длинное чешуйчатое тело на песчаном островке, или гиппопотама, показавшегося на мгновение среди мутных, желтоватых волн.

Могучая река несла в бесконечную даль свои щедрые воды, дарившие жизнь тысячелетним деревьям, неутомимым травам и бесчисленному множеству живых существ. В вечном движении, как и сама жизнь, она неустанно гнала вперёд буйные полчища волн, низвергая их через пороги и водопады.

Ун зачерпнул пригоршнями воды и напоил раненого. Потом спросил с тревогой:

– Зур сильно страдает?

– Зур очень слаб. Зур хотел бы уснуть...

Мускулистая рука Уна тихо легла на горячий лоб друга.

– Ун построит убежище.

Кочуя в лесах, уламы обычно устраивали на ночь укрытия из переплетённых ветвей. Ун принялся отыскивать крепкие лианы, обрубая их острым каменистым топором. Затем выбрал три пальмы, которые росли рядом на пригорке, сделал топором зарубки на их гладкой коре и плотно переплёл промежутки между стволами гибкими стеблями лиан. Получилось подобие треугольного шалаша, стены которого были упругими и прочными.

Ун работал с ожесточением весь остаток дня. Когда он позволил себе наконец короткий отдых, на реку уже ложились длинные вечерние тени. А ему ещё надо было перекрыть шалаш толстыми крепкими лианами, способными выдержать тяжесть крупного хищника на тот короткий срок, который нужен охотнику для того, чтобы распороть зверю брюхо топором или вонзить ему остриё копья прямо в сердце.

Зур продолжал метаться в жару. Временами он впадал в забытие и, внезапно очнувшись, бормотал отрывистые, бессвязные слова. Когда же сознание возвращалось к сыну Земли, он внимательно следил за работой Уна, подавая другу дельные советы, потому что люди-без-плеч были более искусными строителями, чем уламы.

Отдохнув немного, Ун подкрепился холодным мясом, зажаренным накануне, и снова принялся за работу. Он приладил к шалашу крышу из густо переплетённых лиан и соорудил с помощью двух толстых веток нечто вроде двери, которая должна была закрывать входное отверстие.

Солнце коснулось вершук самых больших эбеновых деревьев, когда люди укрылись наконец в своём зелёном убежище. В просветы между лианами хорошо видна была Большая река, протекавшая на расстоянии трёхсот шагов от хижины.

В этот прохладный вечерний час река была полна жизни. Чудовищные гиппопотамы поднимались со своих подводных пастбищ и выходили на сушу.

Большое стадо гауров утоляло жажду на противоположном берегу. В речных струях резвились дельфины с острым, словно клюв, рылом. Крокодил внезапно выполз из густых зарослей тростника и схватил желтоголового журавля. Макаки-резусы прыгали словно одержимые среди ветвей. Пёстрые фазаны, сверкая золотым, изумрудным и сапфировым оперением, сидели на земле близ тростниковых зарослей. Белые цапли летали, подобно хлопьям снега, над цветущими островками. Иногда охваченное паникой стадо антилоп-нильгау или оленей-аксисов проносилось вдали, преследуемое стайкой дholeй либо четой гепардов.

Но вот у водопоя появились дикие лошади с расширенными от вечного страха глазами. Жизнь этих животных полна тревог и опасностей, мускулы всегда напряжены. Они двигались резкими скачками, нервно насторожив уши; каждый шорох заставлял их вздрагивать. Несколько гаялов важно шествовали по опушке бамбуковой рощицы.

Вдруг страх овладел всеми животными; затрепетав, они огромными прыжками унеслись прочь. Пять львов спустились к водопю.

В полном одиночестве подошли хищники к берегу. Один только крокодил, пожиривший свою добычу, не обратил внимания на львов. Казалось, он даже не заметил их появления. Его огромное тело, покрытое жёсткой чешуёй и твердое, как ствол платана, с тупой мордой и неподвижными, словно стеклянными, глазами, напоминало скорее обломок скалы, чем живое существо. Однако смутное чувство опасности заставило и его повернуть голову к неожиданным пришельцам. Мгновение крокодил колебался, затем, схватив добычу, погрузился с ней в воду.

Густые гривы украшали шеи двух львов. Это были самцы – коренастые и плотные, с головами, будто высеченными из камня; львицы были ниже ростом, с гибкими и удлинёнными телами. У всех пятерых были широко открытые жёлтые глаза, способные глядеть вперёд, в одну точку, подобно глазам человека.

Хищники смотрели, как убегают от них вдаль тучные стада травоядных. Они остановились на пригорке и протяжно хрипло зарычали.

Громовые голоса самцов прокатились над широкой гладью Большой реки, заставив задрожать всех её обитателей. Панический страх овладел всеми живыми существами в баньяновых и пальмовых рощах, в зарослях тростника, в глубоких заводях и на песчаных отмелях Большой реки. Обезьяны исступлённо кричали в чаще ветвей.

Излив свой гнев и досаду, хищники продолжали путь. Самцы ловили расширенными ноздрями слабый ветерок; львицы, более нетерпеливые, обнюхивали землю. Вдруг одна из них почуяла запах людей и, припав к земле, поползла к шалашу, наполовину скрытому высокими травами. Две другие львицы последовали за ней, в то время как самцы задержались позади.

Ун смотрел на приближавшихся хищников. Каждый из них был по крайней мере в пять раз сильнее человека; их когти – острее дротиков с костяными наконечниками, а клыки – сокрушительнее каменных топоров и деревянных копий. На мгновение Уна охватил страх от сознания, что он один.

Зур поднял голову. Ужас перед хищниками смешивался в его душе с горькой мыслью о том, что он не может ничем помочь Уну в предстоящей схватке.

Первая львица была уже близко. Не разобрав, что за странные существа скрываются среди густо переплетённых лиан, она принялась кружить вокруг убежища. Теперь, когда львица была рядом, Ун больше не боялся её. Кровь сотен поколений воинов и охотников, которые умирали в когтях у хищников, сражаясь до последнего вздоха, бурлила в его жилах; глаза горели так же ярко, как у львицы. Потрясая топором, он бросил вызов свирепым хищникам:

– Ун вырвет у львов внутренности!

Зур сказал:

– Пусть сын Быка будет осторожен! Раненый лев забывает о страхе смерти. Надо поражать его копьём прямо в ноздри, когда он подойдёт достаточно близко!

Ун почувствовал в словах друга всю мудрость племени ва и опустил топор. Хитрая усмешка скользнула по его лицу.

Замерев на месте, львица старалась рассмотреть неведомое существо, обладающее столь мощным голосом. Один из самцов зарычал, за ним – другой. Ун ответил протяжным боевым кличем. Теперь все хищники стояли перед хижинкой. Они хорошо знали силу своих мускулов и преимущество совместной охоты. И всё же звери не спешили нападать.

Существа, бросившие им столь дерзкий вызов, продолжали оставаться невидимыми, и это смущало хищников.

Наконец одна из львиц, самая молодая, решила перейти в наступление. Она подошла ближе, обнюхала хижину и ударила лапой по сплетённым лианам. Зелёная стена прогнулась, но выдержала удар. И в ту же минуту острый конец копья с силой ударил хищницу по ноздрям. Львица отскочила назад, мяукая от ярости и боли; остальные смотрели на неё с тревожным удивлением. Мгновение звери стояли неподвижно; казалось, они забыли про людей. Затем один из самцов, зарывав, сделал гигантский прыжок и очутился на крыше хижины, которая провисла под его тяжестью.

Ун пригнулся. Он ждал. И когда страшная морда оказалась на расстоянии протянутой руки, сын Быка трижды, раз за разом, нанёс удар по ноздрям хищника. Обезумев от боли, ослеплённый кровью, лев упал с крыши и покатился по земле. Скатившись с пригорка, он пополз прочь и исчез в густой траве.

– Если лев осмелится прыгнуть ещё раз, Ун выколет ему глаза! – угрожающе крикнул уламр.

Но хищники стояли в нерешительности. Скрытые среди лиан существа казались им всё более загадочными и опасными. Их манера сражаться и голоса не напоминали ни одно из тех

живых существ, которых львы подстерегают в засаде или убивают возле водопоя. Удары, наносимые этими странными существами, были нестерпимо болезненными.

Опасаясь близко подходить к хижине, львы всё же оставались на месте. Скрытые в высокой траве или под ветвями могучих баньянов, хищники ждали, страшные в своём равнодушном терпении. Временами один из них спускался к реке напиться.

Снова стали появляться травоядные, правда на большом расстоянии. Берега Большой реки кишели пернатыми. Черноголовые ибисы выделялись своим белоснежным оперением на тёмном фоне речных заводей. Длинноногие марабу смешно приплясывали на зелёных островках. Бакланы внезапно кидались в воду и ныряли. В густых камышах прятались выводки нырков. Стайки журавлей с шумом проносились над скопищами белоголовых воронов. Попугаи, скрытые среди пальмовых листьев, пронзительно кричали...

Но вот с запада донёсся глухой, постепенно усиливавшийся гул. Один из львов повернул голову и прислушался. Львица, затрепетав, вскочила на ноги. Все хищники глухо зарычали.

Ун в свою очередь напряг слух. Ему показалось, что он слышит тяжёлую поступь большого стада. Но внимание улабра было по-прежнему приковано к окружающим хижину хищникам. Возбуждение зверей возрастало. Они снова приблизились к хижине и бросились на неё все разом. Голос Уна остановил их.

Снова послышался глухой гул, исходивший, казалось, из самых недр земли.

Молодой улабр понял, что какое-то огромное стадо приближается к водопою. Он подумал о бизонах, населявших широкие равнины по ту сторону гор; затем о мамонтах, с которыми заключил союз Нао во время своего пребывания в стране людоедов... Трубный звук донёсся издалека.

– Это мамонты! – уверенно сказал Ун.

Дрожа от лихорадки, Зур тоже вслушивался в далёкий гул.

– Да, это мамонты! – повторил он, но с меньшей уверенностью.

Львы вскочили на ноги. Несколько мгновений головы их оставались повёрнутыми к западу; затем, медленно ступая, звери двинулись вниз по течению реки. Скоро их жёлтые тела исчезли среди густых кустарников.

Ун не боялся мамонтов. Он знал, что они не убивают ни людей, ни травоядных животных, не трогают даже волков и леопардов. Очутившись на их пути, нужно только оставаться неподвижным и хранить молчание. Но, может быть, вид шалаша из лиан, в котором укрываются люди, раздражит гигантов? Ведь любой мамонт может одним ударом разрушить шалаш, одним движением уничтожить Уна и его товарища.

– Ун и Зур должны покинуть убежище? – спросил улабр.

– Да, – ответил человек-без-плеч.

Ун отвязал лианы, закрывающие вход в убежище, выбрался наружу и помог выйти Зуру. Послышался треск ломаемых деревьев. Вдали смутно обрисовались массивные силуэты цвета глины. Скоро уже можно было различить огромные хоботы и головы, подобные каменным глыбам. Стадо состояло из трёх отрядов, возглавляемых шестью гигантскими самцами. Они топтали траву, кустарники и деревья, пробивали непроницаемые завесы баньяновых ветвей. Их кожа напоминала кору старых кедров; ноги были толще тела Уна, а туловище по объёму равно туловищам десяти бизонов.

– У них нет гривы, – вполголоса проговорил Ун, – и бивни почти прямые. Они больше самых больших мамонтов!

– Это не мамонты, – ответил человек-без-плеч, – это слоны.

Ун с тоской глядел на приближавшихся гигантов. Он чувствовал себя совершенно беспомощным, от обычной уверенности не осталось и следа. Неподвижный и безмолвный, склонившись над своим раненым другом, молодой улабр ждал...

Шесть вожаков уже подходили к хижине. Тёмные глаза колоссов не отрываясь смотрели на людей, но во взгляде их не было недоверия. Может быть, они уже встречались с двуногими существами?..

Жизнь или смерть?

Если вожаки не свернут с пути, им достаточно сделать десять шагов, чтобы раздавить людей и превратить хижину в грудю обломков.

Ун глядел прямо в глаза самому могучему вожаку. Он был выше всех ростом; его огромный хобот мог задушить буйвола так же легко, как питон душит оленя...

Гигант остановился прямо перед людьми. Остальные вожаки, как бы повинуюсь ему, тоже замерли на месте. И вся колонна, медленно двигаясь, образовала вокруг людей широкий, слегка колеблющийся полукруг. Опустив палицу к ногам, низко склонив голову, Ун покори́лся своей участи...

Вожак шумно вздохнул и повернул вправо, в обход хижины. Огромные животные послушно последовали за ним.

Каждый слон в свою очередь огибал препятствие. Ни один, даже самый молодой, не коснулся ни людей, ни их убежища.

Долго ещё дрожала земля от тяжёлой поступи гигантов. Буйные заросли трав превратились в зелёное месиво; кустарники и деревья гибли под ногами колоссов. Гиппопотамы бежали в страхе. Громадный гавиал был отброшен в сторону, словно лягушка.

Вдали, на пригорке, видны были силуэты пяти львов. Они поднимали к багровому вечернему солнцу свои тупые морды и злобно рычали.

Скоро всё стадо слонов погрузилось в прохладные речные струи. Волны устремились вспять, заливая берега; огромные хоботы с шумом набирали воду и поливали широкие спины...

Затем гиганты скрылись в волнах. На поверхности реки виднелись только чудовищные головы и мощные хребты, подобные гранитным валунам, принесённым с гор ледниками, стремительными потоками и горными обвалами.

– Нао заключил союз с мамонтами! – проговорил задумчиво Ун. – Почему бы сыну Быка не вступить в союз со слонами?

День угасал. Львы исчезли с пригорка. Неуклюжие быки-гауры и легконогие олени-аксисы торопились укрыться на ночь в безопасных убежищах. Солнце коснулось вершин далёких холмов. Хищники просыпались в своих логовищах.

Ун вернулся в хижину и увёл с собой человека-без-плеч.

Глава V. Гигантский питон

Прошло три дня. Львы не появлялись больше. Слоны ушли в низовья Большой реки. Растоптанные гигантами травы и кустарники быстро оживали под горячими лучами щедрого солнца. Дичь кишела вокруг, и Уну достаточно было один раз метнуть дротик или копье, чтобы обеспечить себе и Зуру дневное пропитание.

Первое время лихорадка и бред больного друга омрачали настроение Уна. Но скоро раны Зура затянулись и озноб перестал мучить его. На четвёртый день сыну Земли стало лучше, и оба друга почувствовали себя счастливыми. Густая тень лиан и пальмовых ветвей давала приятную прохладу. Сидя у входа в хижину, уламр и человек-без-плеч наслаждались покоем, царившим вокруг, и думали о том, что уламы никогда не будут знать голода в этой плодородной и прекрасной стране. Пурпуровые цапли искали в речных заводях водяные орехи; два чёрных аиста поднялись в воздух с противоположного берега. Стая желтоголовых журавлей пролетела мимо; алые ибисы бродили среди лотосов.

Вынырнув из прибрежной заводи, огромный питон медленно вытянул на берег своё длинное гладкое тело толщиной с человеческое туловище. Ун и Зур с отвращением рассматривали чудовищное пресмыкающееся, неизвестное доселе уламрам. Питон полз неторопливо, по-видимому без определённой цели, и, казалось, ещё не вполне очнулся от долгого сна. Но Ун и Зур и не подозревали, что это грузное туловище способно передвигаться со скоростью бегущего кабана...

Всё же на всякий случай друзья укрылись в своей зелёной хижине и оттуда наблюдали за действиями питона. Память не подсказывала им, велика ли сила этого гигантского пресмыкающегося, ядовит ли его укус, как укус тех змей, которые встречались по ту сторону гор, в странах Запада. В этой неизведанной стране питон мог оказаться сильнее тигра и ядовитее гадюки.

Питон приближался к хижине. Ун взял в руки палицу и дротик, но почему-то не подумал даже испустить боевой клич. В больших хищниках он чувствовал жизнь, подобную собственной, а это длинное, скользкое, лишённое конечностей туловище с маленькой головкой и неподвижным взглядом холодных глаз вызывало в нём непонятное чувство ужаса и отвращения.

Приблизившись к хижине, питон поднял голову и разинул огромную пасть с плоскими челюстями.

– Не пора ли нанести удар? – спросил Зур сын Быка.

Зур колебался. У себя на родине люди его племени уничтожали змей, разбивая им головы палицами; но что значили змеи тех стран по сравнению с подобным чудовищем?

– Зур не знает, – ответил наконец человек-без-плеч. – Он думает, что не следует наносить удар, пока животное не напало на хижину.

Широкая плоская голова придвинулась вплотную к зелёной завесе и попыталась протиснуться между лианами. Ун взмахнул дротиком и вонзил его острый наконечник прямо в раскрытую пасть.

Питон отскочил с угрожающим шипением, бешено извиваясь всем своим чудовищным туловищем, и повернул к реке...

Молоденькая сайга вышла из кустов и пересекла поляну. Увидев её, питон замер на месте. Сайга подняла свою горбоносую голову и втянула воздух. Запах людей встревожил её; она повернула обратно, чтобы удалиться от хижины, и тут только заметила питона. Охваченная дрожью, сайга на мгновение застыла словно парализованная, не в силах оторвать взгляда от неподвижных холодных глаз. Затем, опомнившись, кинулась в сторону. Но гибкое, скользкое туловище внезапно метнулось ей вслед с быстротой леопарда. Сайга споткнулась о камень, пошатнулась... Страшный удар сбил её с ног... Однако, прежде чем смертоносные кольца успели обвиться вокруг него, животное вскочило и в смертельном страхе помчалось прочь, не разбирая дороги... Очутившись на краю речного обрыва, сайга оглянулась и увидела, что питон отрезал ей путь к отступлению.

Дрожа от ужаса, сайга бросила тоскливый взгляд на простиравшуюся перед ней зелёную равнину. Всего лишь два удачных прыжка – и она спасена! Заметавшись, сайга сделала безуспешную попытку проскочить мимо питона по самому краю обрыва и вдруг, отчаявшись, огромным скачком перемахнула через препятствие...

Удар могучего хвоста настиг её в воздухе, свалил на землю, и холодное скользкое туловище с молниеносной быстротой обвилось вокруг трепещущего, задыхающегося животного.

Через несколько минут всё было кончено.

Глухой непонятный гнев охватил Уна, молча созерцавшего эту страшную картину. Если бы сайгу убил волк, леопард или даже махайрод, сердце молодого улабра не дрогнуло бы. Но победа этой холодной скользкой твари возмущала его до глубины души. Он дважды нагнулся, чтобы выйти из убежища, и всякий раз Зур удерживал друга за руку:

– У сына Быка и сына Земли много пищи. Что будет с нами, если Ун, подобно Зуру, будет ранен?

Ун уступил нехотя. Он и сам не понимал причины гнева, так безудержно овладевшего им. Это было похоже на боль от раны.

Но улабр не имел представления о силе гигантского пресмыкающегося. Одним ударом хвоста питон свалил на землю сайгу; не случится ли то же самое с человеком, который отважится вступить в единоборство с этим чудовищем?

Молодой воин оставался мрачным.

– Ун и Зур не могут больше оставаться здесь! – сказал он, когда питон скрылся со своей добычей в густых тростниках. – Нам нужно найти пещеру...

– Зур скоро встанет!

Часть вторая

Глава I. Пещерный лев

Прошло два дня. Зур всё ещё был слаб, но уже мог держаться на ногах. Теперь Ун имел возможность надолго покинуть хижину, чтобы разведать местность вниз по течению Большой реки.

Он прошёл вдоль берега более пятнадцати тысяч шагов, но ему так и не удалось найти надёжного убежища. Правда, кое-где у воды высились отдельные скалы, однако расселины и углубления в них были слишком узки и малы, чтобы дать приют человеку. Зур подумывал о том, чтобы вырыть убежище в земле. Но это было бы слишком долгим и трудным делом, и, кроме того, уламы всегда испытывали отвращение к подобного рода жилищам. Поэтому друзья удовольствовались тем, что укрепили, сколь возможно, хижину из лиан, сделав её неприступной даже для крупных хищников. И всё же слон, носорог, гиппопотам, стадо гауров или буйволов легко могли разрушить её. Само местоположение хижины привлекало к ней внимание хищников, рыскавших вокруг в прибрежных зарослях и чащах.

Близился конец весны. Неистовый зной солнечных лучей обрушивался из воды Большой реки; нездоровые испарения поднимались по ночам с её поверхности к звёздному небу, и туман окутывал окрестности непроницаемой пеленой ещё долгое время после того, как на востоке загоралась заря.

В одно жаркое утро Зур почувствовал, что силы его восстановились. Подойдя к Уну, с тоской смотревшему вдаль сквозь окружающие хижину зелёные заросли, человек-без-плеч сказал:

– Сын Земли готов следовать за Уном!

Уламр с радостным восклицанием вскочил на ноги и стал собирать разбросанное на полу хижины оружие.

...Густой туман ещё лежал на широкой речной глади. Молодые гиппопотамы с довольным ворчанием резвились в заводях. Стаи птиц стремительно проносились мимо. Ун и Зур выбрались из хижины и двинулись вниз по течению Большой реки.

В полдень друзья расположились на отдых под сенью скипидарных деревьев. У них был запас сушёного мяса, съедобных корней и грибов, которые они поджарили на маленьком костре из сухих сучьев. Ун поглощал пищу с радостной торопливостью молодого волка. Зур же ел медленно, наслаждаясь ароматом еды и её вкусом.

Вокруг царил полуденная тишина. Всё живое словно оцепенело от зноя. Слышался лишь неумолчный говор речных струй да сухой треск цикад.

Зур, ещё слабый после полученных ран, скоро уснул. Но сын Быка бодрствовал, охраняя сон друга.

Когда тени деревьев на равнине удлинились, Ун и Зур снова пустились в путь и шли до тех пор, пока синие сумерки не окутали землю. На завтра и в последующие дни они упорно продолжали двигаться вниз по реке, продираясь сквозь джунгли, обходя болота, переправляясь через ручьи и речки, впадавшие в Большую реку, прокладывая себе дорогу в густых кустарниках.

На утро девятого дня путники увидели вдали скалистую гряду, тянувшуюся более чем на тысячу шагов по самому берегу реки. Острые вершины вздымались высоко к небу. С другой стороны гряды скалистые отроги доходили до самой опушки густого леса. Два глубоких ущелья прорезали каменную громаду. В расселинах гнездились соколы и орлы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.